

УМЕЕМ ЛИ МЫ ЧИТАТЬ РУССКИХ КЛАССИКОВ?

В языке лучших писателей — мастеров слова, в языке художественной литературы справедливо видят воплощение национальной нормы, образцы обработанной народной речи, поднятой до высоты эстетического идеала.

«Русский язык, — писал А. Н. Толстой, — это прежде всего Пушкин — нерушимый причал русского языка. Это Лермонтов, Лев Толстой, Лесков, Чехов, Горький». Круг этих имён, конечно, можно и должно расширить.

Но в полной ли мере владеем мы художественным наследием, оставленным нам писателями-классиками? Умеем ли мы читать произведения прошлого правильно и точно, в соответствии с замыслом автора? Широко распространён и обычен совет: для развития речи, для овладения речевой культурой необходимо много читать, и в первую очередь художественную литературу. Но ведь и читать надо уметь. И первое, что должен чётко представлять себе, усвоить и запомнить каждый читатель, — отличие «литературного языка» от «языка художественной литературы».

«Литературный язык» и «язык художественной литературы» — понятия близкие, но не во всём совпадающие.

Литературный язык — это язык образцовый, обработанный, в нём сосредоточены лучшие выразительные возможности общенародного языка. В литературном языке нет места просторечию, словам устаревшим, или, как их называют, архаизмам, которые далеко не всем понятны.

Иное мы наблюдаем в языке художественной литературы, который свободнее обращается к просторечию, архаическим и

диалектным словам, профессионализмам и жаргонам.

Конечно, и просторечие, и архаизмы, и профессионализмы вводятся художниками слова с чувством меры, а главное — в окружении общепонятных и общеупотребительных слов. Иначе смысл текста будет неясен читателю.

Художественная литература — это мышление в образах. «Литература — это искусство пластического изображения посредством слова», — говорил Белинский. В поэтическом произведении нет нейтральных, безразличных слов; любое из них здесь художественно целенаправленно, содействует обнаружению содержания, идейного смысла произведения. Языку художественной литературы свойственна образность.

Образность — это такое сочетание и употребление слов, при котором они выражают больше, чем непосредственно обозначают.

Об этом свойстве языка художественной литературы интересно рассказано у Владимира Галактионовича Короленко на примере пушкинского стихотворения «Анчар».

«В пустыне чахлой и скупой
На почве, зноем раскаленной...»

посмотрите, — писал Короленко, — как тут тремя, четырьмя штрихами нарисована целая картина. Воображение читателя тронут, возбуждено этими меткими штрихами, и оно уже само рисует остальное. Вы как будто видите и цвет песка, и безоблачное горячее небо, и мрачный профиль дерева, хотя об этом прямо не упоминается...

В данной комбинации слов каждое слово, кроме прямого представления, влечёт

за собой ещё целый ряд представлений, невольно возникающих в уме».

Образность может достигаться или изобразительными средствами (сравнениями, эпитетами, метафорами и т. п.), или искусственным сочетанием обычных слов (контекстом).

Конечно, образность речи может быть свойственна и языку научных и публицистических произведений, но она там необязательна.

Основоположником русского литературного языка по праву считается Пушкин. Белинский писал о нём: «Пушкин... расширил источники нашей поэзии, обратил её к национальным элементам жизни, показал бесчисленные новые формы, сдружил её впервые с русской жизнью и русской современностью... Из русского языка Пушкин сделал чудо». Справедливо сказал Гоголь, что «в Пушкине, будто в лексиконе, заключилось всё богатство, гибкость и сила нашего языка».

Вся деятельность Пушкина в области русской языковой культуры вдохновлялась его горячей любовью к русскому народу и к его языку.

Обращение к народному языку Пушкин считал необходимым условием литературной деятельности:

«Читайте простонародные сказки, молодые писатели, чтоб видеть свойства русского языка».

Признавая народный, разговорный язык основой и источником языка литературного, Пушкин правильно и строго разграничивал различные сферы их применения:

«Может ли письменный язык быть совершенно подобным разговорному? — спрашивал поэт и отвечал: — Нет, так же, как разговорный язык никогда не может быть совершенно подобным письменному. Чем богаче язык выражениями и оборотами, тем лучше для искусного писателя. Письменный язык оживляется поминутно выражениями, рождающимися и в разговоре, но

не должен отрекаться от приобретённого им в течение веков. Писать единственно языком разговорным — значит не знать языка».

Говоря о необходимости для писателя «владеть языком, несмотря на грамматические оковы», «несмотря на затруднительность правил», Пушкин прекрасно ощущал различие между живыми законами, духом языка и книжными схемами грамматических предписаний:

«Грамматика не предписывает законов языку, но изъясняет и утверждает его обычаи», — говорил поэт.

Понятен ли Пушкин современному читателю? Этот вопрос впервые поставил Валерий Брюсов, а за ним и многие другие пушкинисты. Брюсов писал в 1918 году:

«Понимаем ли мы Пушкина? Большинство ответит, что Пушкин всем понятен в отличие от декадентов и футуристов, и это будет неверно. Для „среднего“ читателя в сочинениях Пушкина три элемента „непонятности“. Во-первых, чтобы вполне понимать Пушкина, необходимо хорошо знать его эпоху, исторические факты, подробности биографии поэта... Во-вторых, необходимо знать язык Пушкина, его словоупотребление. Не зная, например, что для Пушкина „пустынный“ значило „одинокий“, нельзя понять стихов: „Звезда пустынная сияла“, „Свободы сеятель пустынный“... и другие. В-третьих, необходимо знать всё мирозерцание Пушкина...»

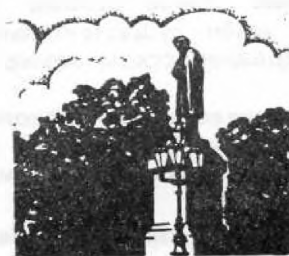
Академик Л. В. Щерба писал почти тридцать лет назад:

«Из того, что в основе всякого литературного языка лежит богатство всей ещё читаемой литературы, вовсе не следует, что литературный язык не меняется... Было бы смешно думать, что сейчас можно писать в смысле языка вполне по-пушкински...» Эту мысль академика Щербы подтверждают многие примеры.

«...И тленья убежит...» в «Памятнике» Пушкина есть строки:

Нет, весь я не умру!
 Душа в заветной лире
 Мой прах переживёт
 И тленья убежит!..

Здесь привлекает внимание выражение **тленья убежит**. В XIX веке слова **бежать**,

убежать могли употребляться с родительным падежом без предлога, например: **бежал людей** (т. е. сторонился людей, бежал от людей), **убежит тленья** (т. е. избежит) и т. д. Именно такое употребление находим мы и в стихотворении Пушкина «Памятник». Это не было особым синтаксическим оборотом, свойственным только поэтической речи. Спустя несколько деся-

тилетий Достоевский писал в романе «Преступление и наказание»: «Раскольников не привык к толпе и бежал всякого общества». Современный человек сказал бы: «избегал всякого общества», «бежал от общества». Постепенно такие конструкции стали выходить из употребления. В современном русском языке они не встречаются.

«**Лебедь белая...**» А вот строки из «Сказки о царе Салтане»:

Глядь: поверх текучих вод
Лебедь белая плывёт.

А почему собственно **лебедь белая**, а не **белый**? Ведь сейчас слово **лебедь** — мужского рода.

В русском языке грамматический род некоторых слов установился не сразу. На протяжении многих десятилетий употреблялись слова, которые склонялись то по мужскому, то по женскому роду. Слово **рояль** долгое время изменялось по женскому склонению, т. е. говорили: «эта рояль», «у раскрытой рояли» и т. д. Несклоняемое слово **пальто** было мужского рода: **мой новый пальто** и т. д.

Колебания в грамматическом роде испытало и слово **лебедь**. Если Пушкин писал

ещё «лебедь белая плывёт», «улетела лебедь-птица», то во второй половине XIX века слово **лебедь** употребляется в мужском роде. С пометой «м», т. е. мужской род, дал его в своём словаре В. И. Даль. Правда, Даль отметил при этом, что в народных песнях часто встречаются и формы женского рода от слова **лебедь**. Поэт конца XIX века Бальмонт писал: «Это плачет лебедь умирающий». В его время сказать «умирающая лебедь» уже было нельзя, это выглядело архаичным и даже неправильным.

В наше время каждый школьник твёрдо знает, что **лебедь** — слово мужского рода.

«**Старче... отче...**» В «Сказке о рыбаке и рыбке» встречается слово **старче**. Можно подумать, что **старче** — это именительный падеж. На самом деле форма **старче** стоит особняком в системе современного склонения.

«Чего тебе надобно, **старче**» — в этой фразе употреблена звательная форма от слова **старик**. Такие особые звательные формы от имён существительных применялись в древнерусском языке при обращении.

Можно привести ещё несколько примеров употребления звательной формы из произведений Пушкина. Например, в «Борисе Годунове»:

Ты, отче патриарх, вы все, бояре,
Обнажена душа моя пред вами...

Отче — это старая звательная форма к слову **отец**. И ещё:

Царю небес, везде и присно сущий,
Своих рабов молению внемли...

Царю в этих стихах — тоже звательная форма от слова **царь**.

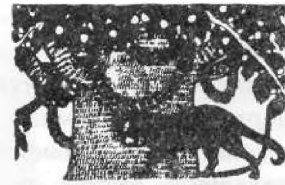
Церковно-книжная окраска всех этих редких, архаических форм не вызывает

сомнений. В живой, народной речи особые звательные формы сохранились в родственных русскому языку славянских языках, например украинском...

Лукоморье. Каждый знает чудесные пушкинские строки из поэмы «Руслан и Людмила»:

У лукоморья дуб зелёный,
Златая цепь на дубе том,
И днём и ночью кот учёный
Всё ходит по цепи кругом...

Но не все знают, каково значение слова **лукоморье**. Лукоморье — это извилистый морской берег или морской залив. **Лука** — буквально «дуга, кривизна». Сравните **лук** — оружие для метания стрел; прилагательное

лукавый — «хитрый, коварный». Слово **лукоморье** очень древнее. Оно есть в летописях, в «Слове о полку Игореве», в русских народных сказках. Сейчас оно ушло из живой речи и встречается только в поэтических художественных произведениях.

Когда мы читаем произведения великих писателей, погружаемся в созданный их фантазией мир, следим за переживаниями и мыслями их героев, мы подчас забываем, что литература — это искусство слова. А ведь всё, о чём говорит художник, воплощено в слове и вне слова не существует. Краски и оттенки зимнего и летнего дня, благоухание лугов и скошенных трав, сверканье водной глади под лучами солнца или при свете луны, описания природы и действующих лиц, весь необъятный мир человеческих чувств — всё воссоздается писателем с помощью тех самых слов, которые служат и нам в повседневной жизни.

Но прежде чем русское слово раскрыло свои поэтические возможности и стало послушным инструментом искусства, потребовался упорный труд великих мастеров литературы, великолепно знавших народную речь, постигших законы её развития.

Русский литературный язык нового времени родился в творчестве Пушкина, Гоголя, Лермонтова, Герцена, Гончарова, Тургенева, Некрасова, Достоевского, Л. Толстого, Салтыкова-Щедрина, Чехова, Лескова, Горького и многих других писателей, которые не только запечатлели в своих творениях жизнь своей страны и народа, но и создавали русский литературный язык, воздействовали на мысли и чувства читателей, стремились изменить, облагородить самый способ восприятия человеком живой жизни.

Вот почему призыв Горького «для ознакомления с русским языком» обращаться к классикам, «читать русскую литературу» должен быть услышан теми, кто хочет овладеть сокровищами языка русского народа.

З. Н. ЛЮСТРОВА, Л. И. СКВОРЦОВ
(«Мир родной речи». М., 1972)